

Александр Соболев
Независимый исследователь (Москва)
trirodov@gmail.com

Alexander Sobolev
Independent Scholar (Moscow)
trirodov@gmail.com

К РАННЕЙ БИОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА ТУФАНОВА FROM ALEKSANDR TUFANOV'S EARLY BIOGRAPHY

Работа имеет целью прояснение одного из темных эпизодов ранней биографии Александра Туфанова — его ареста и осуждения в 1902–1903 годах.

Ключевые слова: Александр Туфанов, дело Департамента полиции, Ефим Хлодовский.

The article aims to clarify one of the dark episodes of the early biography of Aleksandr Tufanov, his arrest and conviction in 1902–1903.

Keywords: Aleksandr Tufanov, Police Department case, Efim Khlodovsky.

Благодаря трудам Н. А. Богомолова, Т. М. Двинятиной, Ж.-Ф. Жаккара, А. В. Крусанова, И. С. Мальского, Г. А. Морева, А. Т. Никитаева, Т. Л. Никольской, — Александр Васильевич Туфанов за последние десятилетия превратился из маргинального персонажа редкоспрашиваемых мемуаров в одну из ключевых фигур литературной жизни 1910–1930-х годов¹. Некоторые периоды его биографии (прежде всего — архангельский и ленинградский) к сегодняшнему дню изучены в исключительных подробностях; центральный эпистолярный комплекс — переписка с женой — напечатан с образцовым комментарием; о его словесных экспериментах и их роли в становлении обэриутской поэтики написан ряд значительных работ. Отдельные эпизоды его жизни еще явственно нуждаются в филологической рефлексии: не учтен, кажется, весьма знаменательный эпизод с его по-

¹ Пользуемся случаем принести глубокую благодарность М. М. Павловой, Б. А. Равдину и Р. Д. Тименчику за помощь с отысканием некоторых труднодоступных источников.

пыткой опубликоваться в *Весях*²; представляется весьма любопытным (и на нынешний момент непроясненным) контекст его контактов с кругом Ларисы Рейснер, благодаря которым в ее архиве отложились его перевод из Малларме и статья «Три новых театра»³. Не напечатаны полностью его письма к Валерию Брюсову⁴. Не введен в оборот его любопытный мемуарный очерк (едва ли не единственный туфановский опыт в этом жанре), напечатанный при посредстве В. В. Гадалина в заштатном рижском журнале *Наш огонек*⁵. Загадочным выглядит публикация в 1926 г. в нечужом ему Галиче двух стихотворений за подписью «П. Туфанов»⁶ — опечатка это, таинственный двойник или единственный стихотворный опыт его брата (о котором впрямь)?

Настоящая заметка имеет целью прояснение одного из сопоставимо темных эпизодов туфановской биографии — его ареста и осуждения в 1902–1903 годах. В автобиографических заметках Туфанов многократно возвращается к подробностям своей первой встречи с департаментом полиции:

На земном шаре я учился в 5 учебных заведениях и в 7-ми тюремных и, конечно, ни одного из 12-ти не кончил как следует. Из учительского института (!), напр., я вылетел с “хорошим” поведением, а из университета в 1902 г.

² В архиве С. А. Полякова сохранилось недатированное письмо Туфанова:

Г. Редактор.

Если Вы не найдете возможным напечатать в редактируемом Вами журнале мои стихотворения, сообщите, пожалуйста, об отказе.

На ответ прилагаю марку.

В журнале «Весы» нельзя ли напечатать статью о Санине Арцыбашева, в которой я Санина рассматриваю как носителя идеи бунта против революционного аскетизма, причем — в виду того, что большинство критиков — противников Санина — социал-демократы (Луначарский, Попов, Львов, Орловский, Горький) — я защищаю Санина с марксистской точки зрения, не считая себя в то же время с.-д.

Арцыбашев мне сказал, что ни одна газета и ни один журнал не напечатает, но посоветовал все-таки обратиться в «Образование». Если «Образование» не напечатает, я предполагаю издать отдельной брошюрой, но очень желал бы напечатать в «Весях».

С почтением А. Туфанов.

(ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 1–2; письмо это следует отнести к 1909 г.). В том же фонде сохранились три стихотворения Туфанова, представляющие собой самые ранние его поэтические опыты из разысканных на сегодняшний день: «Согревающая печаль», «В тумане» и «В лесу осенью» (все — ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 171).

³ Стихотворение «Вздох» («К лазури приник ей верный каскад...») (РГБ. Ф. 245. Карт. 10. Ед. хр. 42); «Три новых театра» (РГБ. Ф. 245. Карт. 10. Ед. хр. 43). Логичным будет предположить, что он предназначал их для публикации в одном из патронируемых Рейснер журналов — *Богеме* (менее вероятно) или *Рудине* (более).

⁴ РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 35. Значительный фрагмент одного из них приведен: Дневниковые записи Даниила Хармса. Публ. А. Устинова и А. Кобринского. *Минувшие. Исторический альманах*. Т. 11. М. — СПб., 1992: 511.

⁵ Туфанов А. В. С Белого моря. Воспоминания. *Наш огонек* (Рига). № 10 (7 июля 1925): 14.

⁶ Туфанов П. «Не верю я...»; «Кузница» («Как зверь, укрывшийся в дубраве...»). *Зерно. Литературный и юмористический сборник всех местных авторов*. Галич, 1926: 9.

был переведен (для “научного усовершенствования”) в “Дом Предварительного (!) Заключения”, в одиночную камеру, “за распространение нелегальной литературы”. Затем меня водили по этапу, знакомили с провинциальными “заведениями”, морили голодом “под надзором полиции”, и в 1906 г. судили в Судебной Палате за принадлежность “к сообществу, поставившему своею целью ниспровержение существующего строя”.

В 1907 году я вернулся к Самому Себе, в Эолию⁷.

Три года спустя, в 1925 году, вновь составляя *curriculum vitae*, он еще подробнее останавливается на своем революционном и тюремном опыте 1900-х, слегка смещая акценты:

При кочевом образе жизни я побывал в 5 учебных заведениях, из них как следует прошел курс только в учительском институте; вышел из него в 1900 г. с “хорошим” поведением. В университет поступил уже с большим опытом по печатанию прокламаций и в студенческом движении. Кончить не пришлось, потому что в 1902 г., в декабре месяце уже был переведен в Дом Предварительного Заключения. Второй студенческий период у меня длился до 1907 г. За эти годы я побывал в 7 тюрьмах, ходил по этапу под звон цепей каторжников и закончил в Петерб. судебной палате, которая предъявила мне обвинение по 126, 129 и 132 ст. угол. улож. (о принадлежности к сообществу и т. д.⁸). Хороший состав суда, хороший защитник и распропагандированный мною жандармский ротмистр, давший мне возможность унести у него компрометирующую литературу, помогли мне отделаться легким покаранием. В одиночном заключении я пробыл два года... (Туфанов 1991: 170–171)⁹.

Сохранившиеся документы Департамента полиции позволяют внести в эту хронику некоторые коррективы. Само дело 1902 года первоначально велось Архангельским Губернским жандармским управлением, но в какой-то момент оно было передано в Москву. Резюме, содержащее подробные выписки из него, было составлено известным по другим политическим делам Товарищем прокурора судебной палаты Ефимом Николаевичем Хлодовским:

⁷ Из его автобиографии 1922 г. (Богомолов 1993: 91).

⁸ Статьи Уголовного уложения, касающиеся а) участия в «сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов» (ст. 126); б) «произнесения или чтения публично речи или сочинения <...> возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» etc (ст. 129); в) «составления сочинения или изображения, статьями 128 или 129 указанных», а также в их «размножении, хранении или провозе из-за границы» (ст. 132) (Уголовное уложение 22 марта 1903 г.... По изданиям Н. С. Таганцева. Под редакцией П. Н. Якоби. Рига, 1922: 465, 485–486, 510–511).

⁹ Автобиография Председателя Земного Шара Зауми Александра Туфанова (Ответ на анкету Института Истории Искусств) (Туфанов 1991: 170–171). Интересно, что при допросе в советское время, когда педалирование былого ущерба от царской власти казалось бы вполне уместным, Туфанов называет значительно меньший срок заключения: «Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции, после нее) судился за организацию нелегального собрания в 1906 г. и получил три месяца»; см.: Протокол допроса 13 декабря 1931 г. в: (Сборище друзей 2000: 554).

Александр Туфанов в молодости

Секретно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

о дальнейшем направлении дознания по обвинению крестьянина деревни Никифоровской, Ростовской волости, Шенкурского уезда, Архангельской губернии Василия Егорова Туфанова и домашнего учителя из крестьян Александра Васильева Туфанова в преступлении, предусмотренном 2 ч. 252 ст. улож. о наказ.¹⁰

22 ноября 1902 года псаломщик церкви с. Ростовского, Шенкурского уезда, Архангельской губернии Иван Боголепов, представив местному священнику о. Михаилу Попову девять различных противоправительственных брошюр и два литографированных экземпляра известных «Ответа гр. Л. Толстого на постановление Св. Синода»¹¹ и фельетона «Господа Обмановы»¹², объяснил, что упомянутые произведения были переданы ему для

¹⁰ Популярная «политическая» статья, охватывающая «составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публично речей, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной Власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнению неприкосновенность прав ее, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образ правления». Вторая часть касалась лиц, виновных «в составлении сочинений сего рода, неизобличенных в злоумышленном распространении оных»; по ней грозило наказание от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев тюремного заключения (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... М., 1867: 83–84).

¹¹ Вероятно, женеvское издание: Ответ Л. Н. Толстого на постановление Синода от 20–22 февраля 1901 г. и на полученные им по этому поводу письма. Onex grès Genève: P. Birukoff. <1901>.

¹² Весьма популярное сочинение А. В. Амфитеатрова, выдержавшее более десяти зарубежных изданий.

прочтения крестьянином дер. Никифоровской, Ростовской волости Василием Егоровым Туфановым (л. д. 7¹³).

По осмотру представленных Боголеповым изданий оказалось, что они состоят из следующих преступных сочинений:

1) *Письма героя рабочего к товарищам и крестьянам*¹⁴, издание Партии социалистов-революционеров. В брошюре этой излагаются причины, побудившие автора ее совершить 29-го июля 1902 года покушение на жизнь Харьковского Губернатора кн. Оболенского, при чем рабочие и крестьяне призываются к борьбе с «деспотическим правительством».

2) №4 *Народных Листков* за 1901 г., содержащий в себе известную брошюру *Русский ткач Петр Алексеев*¹⁵. На брошюре этой оттиснут штемпель «Книжный склад союза русских социал-демократов».

3) Известная преступная брошюра *Русский политический строй и рабочие*¹⁶, издание Союза русских социал-демократов,

4) №№ 6, 7 и 8 известных *Листков Рабочего Дела* за 1901 год и № 4-1 за 1900 год¹⁷;

5) Известная преступная брошюра *Законы и для чего они пишутся*¹⁸,

6) Известная также брошюра *О податях и налогах*¹⁹ (л. д. 3, 5 и вещ. доказ.).

В виду сего по распоряжению Архангельского Губернатора у Василия Туфанова произведен был обыск, но ничего явно преступного обнаружено не было, а был найден лишь адрес, составленный по случаю 30-тилетнего юбилея С.-Петербургского Учительского Института, за подписями бывших воспитанников Института А. Туфанова и П. Соколова. В адресе этом составители его в крайне резких выражениях характеризуют педагогическую деятельность Директора Института Наумова и высказывают свое недовольство установленными им в Институте порядками (л. д. 5, 14 и вещ. доказат.).

На основании изложенных данных при Архангельском Губернском Жандармском Управлении было возбуждено дознание в порядке 1035 ст. уст. угол. суд. по обвинению Василия Туфанова в распространении преступных противоправительственных сочинений (л. д. 4).

Допрошенный в качестве свидетеля псаломщик Боголепов показал, что 18 ноября 1902 г. он встретился в доме крестьянина Коврова с Василием Туфановым, который во время разговора сказал ему, что «скоро Импера-

¹³ Здесь и далее приводятся ссылки на листы оригинального дела, нам неизвестного.

¹⁴ Крайне редкая восьмистраничная эсеровская эфемерида (Б. м., 1902); приписывается Ф. К. Качуру.

¹⁵ Выходившее в пригороде Женевы неперидическое издание, четвертый номер которого действительно посвящен ткачу-оратору П. А. Алексееву.

¹⁶ В выходных данных этой анонимной брошюры — Женева, типография Союза русских социал-демократов, 1901.

¹⁷ Гектографированное женевское издание, дополнение к журналу *Рабочее дело*.

¹⁸ Напечатанная анонимно с фальшивыми выходными данными («СПб.: Постоянная комиссия по устройству народных чтений») в 1901 г. брошюра Н. А. Рубакина.

¹⁹ Анонимная брошюра, нелегально отпечатанная в России.

тора не будет» и показал какую-то картину с изображением на ней «в искаженном виде» Государя и Государыни, которых по лужам крови чрез распростертые по земле трупы несла на носилках толпа народа. Затем Туфанов передал свидетелю преступные брошюры, представленные им впоследствии священнику Попову, — сказав: «на, вот, почитай; никому не давай, а то попадешься» (л. д. 8).

Допрошенный также в качестве свидетеля учитель местного сельского училища Иосиф Костылев показал, что Василий Туфанов в двадцатых числах ноября 1902 г. сообщил как-то ему, что он привез из Петербурга «интересные книжки», но какие именно — не упомянул, и сказал, чтобы он взял их себе от псаломщика Боголепова. Однако, когда свидетель обратился к Боголепову за этими книгами, то последний ответил, что он передать их ему не может. При последующих встречах Туфанов говорил свидетелю что-то о «брошюрах», но что именно — он не помнит, так как никакими брошюрами не интересовался (л. д. 10–11).

Будучи привлечен к дознанию в качестве обвиняемого в хранении и распространении противоправительственных сочинений, Василий Туфанов виновным себя в том не признал и объяснил, что несколько последних лет он проживал в Петербурге, где служил в артели Сухопутной Таможни, но затем вследствие нетрезвого образа жизни был оттуда уволен и в ноябре 1902 года возвратился на родину в дер. Никифоровскую. Перед самым отъездом из Петербурга двоюродный брат его, Туфанова, Александр Васильев Туфанов передал ему сверток с какими-то книгами, сказав, чтобы он их прочитал и передавал для прочтения другим. Сверток этот он, Василий Туфанов, увез с собою в деревню Никифоровскую и хотя раскрыл его, но не рассматривал находившихся в нем книг и вскоре затем отдал псаломщику Боголепову. Картина, которую он показывал тогда Боголепову, была случайно найдена им между полученными от Александра Туфанова брошюрами в то время, когда он передавал их Боголепову; картину эту он положил к себе в карман и куда она впоследствии делась — не знает. Упомянутые брошюры он никому, кроме Боголепова, не показывал и только учителю Костылеву сказал, что привез с собою из Петербурга «интересные» книги и передал их Боголепову. Каким образом оказался у него адрес по случаю 30-тилетнего юбилея С.-Петербургского Учительского Института, он, Василий Туфанов, не знает, но полагает, что таковой был передан ему Александром Туфановым, так как адрес этот был найден при обыске среди газетной бумаги, в которую были завернуты преступные издания, полученные им от Александра Туфанова (л. д. 22–23).

В виду оговора со стороны Василия Туфанова у двоюродного брата его Александра Туфанова был также произведен обыск, но ничего явно преступного обнаружено не было; в бумагах же его были найдены три экземпляра того же самого адреса по случаю 30-тилетия С.-Петербургского Учительского Института, один экземпляр коего был отобран у Василия Туфанова (л. д. 25, 31, 36).

Спрошенный в качестве обвиняемого Александр Туфанов не признал себя виновным в приписываемом ему преступлении и объяснил, что никаких преступных изданий Василию Туфанову он никогда не передавал и последний оговаривает его совершенно ложно; по какой причине Василий Туфанов взводит на него несправедливое обвинение, — он объяснить не может. Отобранный у Василия Туфанова экземпляр адреса по случаю 30-тилетия С.-Петербургского Учительского Института написан им, Александром Туфановым, и был им же передан Василию Туфанову для прочтения, по его просьбе. Адрес этот составил он с целью прочесть его в день юбилея Института — 25 октября 1902 г., но сделать этого ему не удалось, так как он не был допущен в Институт. Резкие и укоризненные выражения по отношению к Директору Института Наумову помещены были им в адрес потому, что по настоянию Наумова, как ему казалось, он был уволен по неуспешности в науках из Института. (л. д. 33–34).

Из дела усматривается, что Василий Туфанов окончил курс сельской школы и по увольнении со службы из С.-Петербургской сухопутной артиллерии проживал у себя на родине без определенных занятий; Александр же Туфанов окончил курс Тотемской Учительской Семинарии и обучался в С.-Петербургском Учительском Институте, но курса в нем не окончил по неуспешности; со времени выхода из Института он служил по вольному найму в Особом Отделе Государственного Дворянского Банка; в сношениях с лицами политически неблагонадежными замечен не был (л. д. 20, 33, 41).

Василий Туфанов содержался по сему делу под стражею с 4 декабря 1902 года — по 15 марта 1903 года, а затем был отдан под особый надзор полиции по месту жительства в деревне Никифоровской (л. д. 17, 45); Александр же Туфанов был арестован 20 декабря 1902 года, но 5 января 1903 года на дознании состоялось постановление об освобождении его из-под стражи и отдаче под особый надзор полиции; когда же он фактически был освобожден — сведений в деле не имеется, а из сообщения С. Петербургского Градоначальника от 10-го февраля 1903 года за № 897 — усматривается, что Александр Туфанов подчинен особому надзору полиции в городе С.-Петербурге (л. д. 25, 28, 31, 42).

Обращаясь к обсуждению изложенных обстоятельств дела, я нахожу, что обвиняемый Василий Туфанов собственными своими объяснениями, показаниями свидетеля Боголепова и осмотром представленных названным свидетелем брошюр достаточно изобличается в том, что в ноябре 1902 года имел у себя и злонамеренно передал другому лицу преступные сочинения, заключающие в себе дерзостное порицание установленного государственными законами образа правления, то есть в преступлении, предусмотренном 2 ч. 252 ст. улож. о наказ. В том же преступлении должен быть признан виновным и Александр Туфанов, так как оговор, заявленный против него обвиняемым Василием Туфановым, находит себе достаточное подтверждение в том обстоятельстве, что у первого из них были обнаружены три экземпляра того же самого адреса по случаю 30-летия С.-Петер-

бургского Учительского Института, один экземпляр коего, писанный при том рукою Александра Туфанова и найденный при обыске у Василия Туфанова, был, по объяснению последнего, передан ему Александром Туфановым вместе с упомянутыми выше преступными сочинениями; заявление же Александра Туфанова о лживости заявленного против него оговора представляется неуважительным как в виду голословности его, так и потому, что Александр Туфанов не мог указать причины, которые могли бы побудить его двоюродного брата взвести на него несправедливое обвинение.

Вследствие всего я полагал бы: разрешив настоящее дознание административным порядком, крестьянина деревни Никифоровской, Ростовской волости, Шенкурского уезда, Архангельской губернии Василия Егорова Туфанова, 23 лет, и домашнего учителя из крестьян Александра Васильева Туфанова, 25 лет, подвергнуть одиночному заключению в тюрьме — первого на два месяца и второго — на четыре месяца, а затем подчинить их гласному надзору полиции в местах их жительства на 1 год каждого.

Настоящее заключение, на основании 1035 ст. уст. угол. суд., подлежит представлению Господину Министру Юстиции.

Составлено 5 мая 1903 года в городе Москве.

Товарищ Прокурора Судебной Палаты Е. Хлодовский²⁰.

Это заключение было направлено в Министерство юстиции на имя сенатора С. С. Манухина, занимавшего пост товарища министра. Он, согласившись с выводами Хлодовского, поддержал его рекомендации, слегка даже их устрожив: «полагал бы разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы выдержать под арестом в течение трех месяцев Василия Туфанова при полиции, а Александра Туфанова при тюрьме, подчинив последнего из них гласному надзору полиции вне столиц и столичных губерний на два года»²¹. В свою очередь, этот документ был препровожден в Министерство внутренних дел, которое 20 июня вынесло свой значительно более мягкий вердикт. В письме, подписанном непосредственно министром В. К. Плеве, говорилось: «по обстоятельствам дела я признавал бы соответственным вменить Василию Туфанову в наказание предварительное содержание его по сему делу под стражею в течение более трех месяцев. Что же касается Александра Туфанова, то, принимая во внимание, что основанием к привлечению его к делу послужил лишь оговор Василия Туфанова — человека нетрезвого поведения и не внушающего к себе доверия, и что ранее сего Александр Туфанов ни в чем предосудительном в политическом отношении не замечался, я признавал бы возможным дело о нем дальнейшим производством прекратить»²². Весь

²⁰ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Ед. хр. 545. Л. 11–13 об.

²¹ Там же. Л. 7 (на документе проставлена дата — 2 июня 1903 г.).

²² Там же. Л. 10.

этот комплекс рекомендаций в соответствии с обычной практикой был препровожден в собственную императорскую канцелярию, откуда 9 июля 1903 года последовал окончательный приговор — Василию Туфанову зачесть срок предварительного заключения, а Александра Туфанова освободить за недостаточностью улики²³.

В этом деле есть несколько весьма любопытных деталей — начиная от появления на сцене туфановского двоюродного брата Василия Егоровича (больше он в его биографии, кажется, не встретится²⁴) и заканчивая последовательным смягчением приговора по мере восхождения дела по бюрократической лестнице. Самое же, вероятно, любопытное — содержащиеся в нем сведения о сатирическом адресе по случаю тридцатилетия Санкт-Петербургского Учительского Института — первом известном нам сочинении, вышедшем из-под пера будущего писателя. Благодаря счастливой случайности из четырех отобранных архангельскими жандармами экземпляров адреса два сохранилось — но не в общем архиве Департамента полиции, а в маленьком хаотично устроенном фонде «Коллекция вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках». Вот его текст:

К тридцатилетнему юбилею
С.-Петербургского Учительского Института.

Милостивый Государь Яков Николаевич!

Пять лет тому назад, когда уходил отсюда «на покой» ваш предшественник К. К. Сент-Илер²⁵, собравшиеся в этом зале воспитанники Петерб. учит. института подняли вопрос: не предложить ли вам, Якову Николаевичу Наумову, отказаться от места директора, которое, как и водится в канцеляриях и учебных заведениях, должно быть, в виде повышения за долголетнюю службу, предложено вам, как самому старшему из преподавателей; и тогда большинство высказалось, что и вам... пора!

Но судьба вам покровительствовала: вопрос этот провалили, и вы благополучно заняли освободившееся место директора.

В прошлом 1901 году вы праздновали 30-тилетний юбилей своей педагогической деятельности; мы, группа бывших воспитанников, пользуемся сегодня случаем, чтобы поздравить вас с прошедшим юбилеем и поблагодарить вас за то «сердечное попечение», которым вы окружали нас во время нашего пребывания в стенах этого учебного заведения.

Решили почтить вас адресом!

²³ Там же. Л. 14–15.

²⁴ Алексей Егорович Туфанов (вероятно, брат Василия) несколько раз появится в переписке Туфанова 1920-х годов; см. по указателю в: *(Письма ссыльного литератора 2013)*.

²⁵ Сент-Илер Карл Карлович (1834–1901) — ученый-зоолог, преподаватель, а позже директор Учительского института; важное действующее лицо в биографии Ф. Сологуба. О нем см.: *(Тридцатилетие 1903: 44)*.

Вы, достопочтенный Яков Николаевич, хотели при самом начале вашей директорской деятельности ввести здесь режим повального поругания личности человеческой, режим принижения личности, для чего выработали особые правила на педагогическом совете и пускали в ход грубые и оскорбительные замечания по адресу воспитанников, чтобы убить в них сознание достоинства человеческого и сделать их нечувствительными к оскорблениям. Спасибо вам! Несомненно вы имели тут в виду ту обстановку, при которой приходится жить нашему российскому обывателю в настоящее время и, как подобает опытному педагогу, хотели подобными мерами приспособить своих питомцев к этой обстановке. Вы сами, ведь, вечно приспособляетесь! Таков уж ваш удел!

В правилах, выработанных вами на педагогическом совете в 1899 году, которые ежегодно выдаются вами вновь поступающим воспитанникам для назидания, подробно указывается, что нужно делать, чтобы быть «хорошим» воспитанником, тут точно указывается, когда нужно вставать пред вами, какой длины следует носить волосы, и много других наставлений! Вас, досточтимый Яков Николаевич, очевидно радует вид стриженных голов, потому вы так и преследовали нас за волосы, только никогда не признавались в таком взгляде на стрижку, а на вопрос объектов вашего «сердечного» принижения личности: «для чего?» отвечали характерной фразой: «это не наше дело с вами».

Вы не задумывались приносить судьбу и будущность тех из нас, в ком слишком сильна была потребность борьбы с таким школьным режимом, в жертву этого вашего режима; вы их выбрасывали за борт, и выбрасывали «на законном основании»: как не успевающих. Спасибо вам!

Вы умели отличать «кухаркиных детей» от детей «благородного» происхождения: в отзывах Министру Народного Просвещения об одном воспитаннике, вы, не боясь себя скомпрометировать своим духовным родством с князем Мещерским, указывали, что этого воспитанника происхождение «не из благородных», из самых низов. В своих отношениях к таким воспитанникам вы давали им понять, что они «кухаркины дети» и дети «благородных» родителей — не одно и то же. Спасибо вам!

Вы никогда не могли беспристрастно оценивать наши ответы на репетициях; смеялись над нашими протестами против «отсутствия у вас общей для всех справедливости» и мстили протестующим. Спасибо вам!

Вы никогда не были и хорошим преподавателем.

Обращая внимание на мелочи, требуя от воспитанников на репетициях дословной передачи всего того, что говорено вами, вы убивали всякий интерес к науке и сводили изучение физики к запоминанию «ваших» примеров на рычаги и к зазубриванию «ваших» (туманных, как говорили воспитанники) доказательств законов физики.

Неудивительно поэтому, что когда начинаешь говорить о вашем преподавании с бывшими воспитанниками, то вызываешь всегда смех. Для вас институт всегда был канцелярией; на уроки вы всегда запаздывали,

приборов заранее никогда не приготавливали, дело вели скучно, вообще — для вас учительство — ремесло, как сказал бы бывший министр Ванновский.

Вы, Яков Николаевич, устали; вам не мешало бы отдохнуть, не стоит больше так убиваться! Пора!!

Мы же, бывшие воспитанники, верим, что кличка «забытые учебные заведения» скоро будет оставлена в прессе по отношению к учительским институтам; и учительские институты, освободившись от злонамеренных представителей «сердечного попечения», получают возможность вполне удовлетворять запросам своих питомцев, бывших сельских учителей. Мы, народные учителя, вышедшие из тех сословий, для которых расставлены рогатки на пути к образованию то в виде высокой платы за учебу, то в виде до сих пор еще неотмененных циркуляров о «кухарских детях», — ждем реформы в «учебном строе» этих учебных заведений. Мы не желаем проходить две учительские семинарии (а учительский институт в настоящее время по курсу, ведь, та же семинария), нам нужен такой учительский институт, который заменял бы нам то, куда закрыт доступ вышеуказанными рогатками, — который заменял бы нам высшее учебное заведение.

Сделать же это можно!

Уходите только вы, Яковы Николаевичи! и... побольше внимания со стороны тех, кто рескриптом 25 марта призван к переделке «всего учебного строя»!

Бывший воспитанник А. Туфанов.

Бывший воспитанник П. Соколов²⁶.

Про адресата этой пламенной филиппики известно не слишком много: Яков Николаевич Наумов был преподавателем Санкт-Петербургского Учительского института; преподавал естественные науки, написал два учебника: *Краткий учебник анатомии и физиологии человека* (СПб., 1886 и сл.) и *Элементарный курс анатомии и физиологии человека* (СПб., 1903 и сл.). Был знаком с Федором Сологубом, который, в бытность свою воспитанником того же института, слушал его лекции²⁷. Не так давно напечатанная докладная записка, принадлежащая его перу, изобличает в нем скорее человека свободомыслящего: он предлагает в ней облегчить открытие частных учебных заведений, сравнив в правах их выпускников с лицами, окончившими казенные школы и гимназии²⁸.

Еще меньше сведений у нас относительно соавтора Туфанова. По всей вероятности, это Петр Николаевич Соколов, выпускник Череповецкой

²⁶ ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Ед. хр. 4993. Л. 5 — 6 об.

²⁷ См.: «Тетради посещений» Федора Сологуба. Вступ. ст., публ. и аннот. указ. имен М. М. Павловой и А. Л. Соболева (*Федор Сологуб* 2016: 124).

²⁸ См.: Докладная записка директора Учительского института Я. Н. Наумова управляющему Петербургским учебным округом Л. И. Лаврентьеву о необходимости изменения законодательства о частном образовании (*Начальное и среднее* 2000: 275–277).

учительской семинарии, значащийся в списке лиц, обучавшихся в Учительском институте в 1902–1903 гг. (*Тридцатилетие* 1903: 50)²⁹. Самого Туфанова в этом списке нет, что подтверждает версию о преждевременном окончании его отношений с институтом. В 1938 году Туфанов запрашивал из Исторического архива Ленинграда справку-подтверждение относительно своего обучения в Институте: «Вчера получил пакет из Исторического архива (с Псковской ул.) <...> На Псковской работники замечательные; они еще раскопали для меня. Правда, сейчас мне эти документы уже не нужны, но все-таки хорошо работают в Историч. архиве! Они послали мне копию Аттестата от Петерб. учит. инст., но с *одной* отметкой; других нет. Тогда была борьба у директора Наумова вокруг моего имени, и все отметки не попали»³⁰. Любопытно, что сейчас в описях фонда Учительского института личного дела Туфанова нет; есть только досье на его брата Петра³¹. Он же значится и в печатных летописях института (*Тридцатилетие* 1903: 48)³².

Несопоставимо хуже документировано его второе столкновение с департаментом полиции, произошедшее через несколько лет. Мы можем судить о нем лишь по косвенным данным: осенью 1908 года Туфанов подал документы на соискание учительской должности в Рижском учебном округе. Попечитель округа, в соответствии со служебной инструкцией, запросил у Санкт-Петербургского градоначальника сведения о политической благонадежности потенциального учителя; тот, сверившись с данными охранного отделения, пересказывал суть архангельского дела, добавляя:

Затем Туфанов, по требованию начальника Новгородского жандармского управления от 11-го марта 1907 г года за № 1290 был обыскан, арестован и переписка о нем 5-го апреля минувшего года за № 6800 препровождена в распоряжение вышеупомянутого начальника Управления.

Чем разрешена эта переписка в отношении Туфанова, сведений не имеется³³.

Дальнейшая переписка по этому поводу длилась чрезвычайно неторопливо, заняв около года — и только 6 ноября 1909 г. «Отделение по охране общественной безопасности и порядка в столице» пересказывало суть новгородского дела:

²⁹ См. его личное дело: ЦГИА СПб. Ф. 412. Оп. 1. Ед. хр. 1007.

³⁰ Письмо А.В. Туфанова к М. В. Туфановой от 13 июня 1938 г. (*Письма ссыльного литератора* 2013: 657).

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 412. Оп. 1. Ед. хр. 1073.

³² Впоследствии, судя по петербургским адресным книгам, Петр Васильевич преподавал в Воздвиженском училище, 3-м мужском и 6-м женском четырехклассных училищах. Согласно блокадному мартирологу, год его рождения — 1881, год смерти — 1942 (<http://visz.nl.ru/blockade/book/0/552760>). В 1930-е, под влиянием политических опасений, дистанцировался от опального брата (*Письма ссыльного литератора* 2013: 162).

³³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 107. Дела 1909 г. Ед. хр. 289. Л. 1 об. Характерно, что в том же 1907 г. он значится в петербургской адресной книге с пометой «Особый отдел государственного дворянского земельного банка».

Затем, в марте 1907 года, он был привлечен к дознанию при Новгородском Губернском Жандармском Управлении по обвинению в преступлении, предусмотренном 126 ст. Уг. Улож. по делу «о Крестецкой местной группе Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию», причем при обыске у него обнаружены также в довольно значительном количестве брошюры политического содержания. По делу этому приговором Особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты <...> 8 декабря 1907 г. <...> Туфанов был присужден к аресту в местах заключения для арестуемых по приговорам мировых судей, на два месяца и приговор этот был обращен к исполнению 15 января 1908 года³⁴.

Характерно, что Департамент полиции, суммировав данные полицейского архива, пришел к выводу, что «не может встречаться препятствий к разрешению ходатайства названного лица в благоприятном смысле»³⁵. Удалось ли в результате Туфанову сделать рижским учителем, мы не знаем — но в поле зрения репрессивных органов он в дореволюционной России более не попадал.

ЛИТЕРАТУРА

- Богомолов Николай. «Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова». *Русский авангард в кругу европейской культуры*. Москва: Научный совет по истории мировой культуры РАН, 1993.
- Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX — начало XX века*. Сб. документов. Санкт-Петербург, 2000.
- Письма ссыльного литератора. Переписка А. В. и М. В. Туфановых. 1921–1942*. Под ред. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова. Москва: Новое литературное обозрение, 2013.
- «...Сборище друзей, оставленных судьбою». «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. Т. 2. Москва: Ладомир, 2000.
- Тридцатилетие С.-Петербургского Учительского института 1872–1902 гг.* Санкт-Петербург, 1903.
- Туфанов Александр. *Ушкуйники*. Сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1991.
- Федор Сологуб. *Разыскания и материалы*. Под ред. М. М. Павловой. Москва: Новое литературное обозрение, 2016.

REFERENCES

- Bogomolov Nikolaj. “Novye materialy o zhizni i tvorchestve A. Tufanova”. *Russkij avangard v krugu evropejskoj kul'tury*. Moskva: Nauchnyj sovjet po istorii mirovoj kul'tury RAN, 1993.
- Fedor Sologub. Razyskaniya i materialy*. Pod red. M. M. Pavlovoj. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Nachal'noe i srednee obrazovanie v Sankt-Peterburge. XIX — nachalo XX veka*. Sb. dokumentov. Sankt-Peterburg, 2000.
- Pis'ma ssyl'nogo literatora. Perepiska A. V. i M. V. Tufanovyh. 1921–1942*. Pod red. T. M. Dvinyatinoj i A. V. Kusanova. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 107. Дела 1909 г. Ед. хр. 289. Л. 4–4 об.

³⁵ Там же. Л. 7 об.

“...Sborishche družej, ostavlennyh sud’boju”. “Chinari” v tekstah, dokumentah i issledovaniyah.

Т. 2. Moskva: Ladomir, 2000.

Tridcatiletie S.-Peterburgskogo Uchitel’skogo instituta 1872–1902 gg. Sankt-Peterburg, 1903.

Tufanov Aleksandr. *Ushkujniki*. Sost. ZH.-F. ZHakkar i T. Nikol’skaya. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1991.

Александар Собољев

О РАНОЈ БИОГРАФИЈИ АЛЕКСАНДРА ТУФАНОВА

Резиме

Рад има за циљ да разјасни једну од мрачних епизода ране биографије Александра Туфанова — његово хапшење и осуду у периоду између 1902. и 1903. године.

Кључне речи: Александар Туфанов, случај Полицијске управе, Јефим Хлодовски.